

A black and white portrait of Viktor Astafyev, an elderly man with white hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He has a serious expression and two medals are pinned to his left lapel. The background is a smoky, war-torn landscape.

Виктор

Астафьев

МОЯ ВОЙНА

Писатель в окопах
Война глазами солдата

Виктор Астафьев

**Моя война. Писатель в
окопах: война глазами солдата**

«Алгоритм»

1995-1999

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Астафьев В. П.

Моя война. Писатель в окопах: война глазами солдата /
В. П. Астафьев — «Алгоритм», 1995-1999

ISBN 978-5-906842-94-7

Виктор Петрович Астафьев – один из самых известных советских и российских писателей, лауреат двух Государственных премий СССР и трех Государственных премий России. Особое место в его творчестве занимала Великая Отечественная война, в которой он сам участвовал. На фронт он пошел добровольцем, служил шофером, артиллеристом, разведчиком, связистом, пока в 1944 году не получил тяжелое ранение. В своей книге В.П. Астафьев пишет о войне так, как это не принято в официозных произведениях. Это взгляд из окопов, где были смерть, кровь и грязь, адская работа на грани человеческих возможностей. В этих воспоминаниях мало героического, это суровая и горькая исповедь солдата-фронтовика.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906842-94-7

© Астафьев В. П., 1995-1999
© Алгоритм, 1995-1999

Содержание

Предисловие	6
«Окопная правда»	11
Там, в окопах...	11
Отповедь генералам	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктор Петрович Астафьев
Моя война. Писатель в
окопах. Война глазами солдата

© Астафьев В.Г., Астафьева П.Г., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Предисловие

Виктор Астафьев мог бы на фронт и не идти. По окончании фабрично-заводского училища ему, как дипломированному железнодорожнику – составителю поездов, выдали «бронь».

Игарский детдомовец и сирота Витька Астафьев за зиму перед войной окончил шестой класс. Далее находиться в социальном заведении ему не разрешили, вышел возраст. Надо было начинать самостоятельную жизнь, думать о дальнейшей судьбе, а, значит, и как-то выбираться с Севера. Денег на дорогу юноша заработал сам, поступив коновозчиком на кирпичный завод, существовавший в те годы в Игарке. Подросток забирал на лесокombинате опилки, грузил их на телегу и вез к топкам, где обжигались кирпичи. К лету необходимая сумма денег для покупки билета на пароход была скоплена, а в Красноярске Виктор поступил учиться в железнодорожную школу фабрично-заводского обучения № 1 на станции Енисей – прообраз современного профтехучилища.

На Западе уже гремела вся война. Почти без отдыха, вечно голодные, по сути, еще дети, Виктору едва исполнилось восемнадцать, юные железнодорожники постоянно были заняты делом. На станцию Базаиха один за другим прибывали эшелоны с оборудованием эвакуированных заводов, людьми. На одном из поездов из Ленинграда, отцепили вагон, в него по пути следования из блокадного города, переносили и складировали умерших. Виктора включили в погребальную группу. Как потом он писал в «Последнем поклоне»: «Похороны я был не просто раздавлен, я был выпотрошен, уничтожен ими, и, не выходя на работу, отправился в Березовку, в военкомат – проситься на фронт». Случилось это спустя всего четырех месяцев с начала его трудовой биографии.

Доброволец Астафьев в 1942 году был направлен вначале в 21-й стрелковый полк, находившийся под Бердском, а затем его перевели в 22-й автополк в военном городке Новосибирска, и только весной 1943-го отправили на передовую...

В девяностые Виктор Петрович написал самое главное свое произведение о войне – роман «Прокляты и убиты». Написал, несмотря на идущую в периодической печати травлю писателя. Такую хлесткую и беспощадно емкую оценку войне, заключенную уже в самом названии романа, мог дать только человек, имевший огромную смелость, перенесший страдания и сказавший открыто то, что сразу перечеркнуло все созданные ранее мощной монументальной пропагандой художественные произведения о героике войны.

Он писал: «Я был рядовым бойцом на войне и наша, солдатская правда, была названа одним очень бойким писателем «окопной»; высказывания наши – «кочкой зрения».

И вот его «окопные постулаты», родившиеся с первых дней нахождения в учебной части под Новосибирском: никакой серьезной подготовки, никакого обучения молодых, необстрелянных бойцов не велось. «О нас просто забыли, забыли накормить, забыли научить, забыли выдать обмундирование». По словам Астафьева, когда они, наконец, прибыли из запасного полка на фронт, войско было больше похоже на бродяг. Это были не солдаты, а истощенные уставшие старички с потухшими глазами. От недостатка сил и умения большинство из них погибало в первом же бою или попадало в плен. «Они так и не принесли Родине той пользы, которую хотели, а, главное, могли принести».

Большинство солдат ходило в гимнастерках со швом на животе. Такие же швы были и на нательном нижнем белье. Многие не знали, отчего этот шов, недоумевали, объяснение же было простым – одежда была снята с мертвых. Так ее не снимешь, только разрезать надо, потом зашить. Поняв это, и сами солдаты стали таким образом одеваться, снимая одежду с мертвых немцев – те к войне готовились по-серьезному, сукно было добротным, меньше изнашивалось. Украинские крестьянки, а именно на Украине начинался боевой путь солдата Астафьева, зачастую принимали наших солдат за пленных немцев, не понимая, кто перед ними в

столь жалком облачении. Астафьеву досталась гимнастерка с отложным воротничком, видимо, младшего офицера, но в ней больше вшей водилось – вот и все ее преимущество. Только в декабре 1943 года часть, наконец, обмундировали.

Воевал рядовой Виктор Астафьев в 17-й артиллерийской, орденов Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного командования.

«Веселый солдат» Виктор Астафьев был шофером, артиллеристом, разведчиком, связистом. Не штабным телефонистом, а линейным надсмотрщиком, готовым по первому приказу командира ползти под пули, разыскивая порыв на линии. Вот так писал он сам о специфике своей военной должности телефониста впоследствии: «Когда руганный-переруганный, драный-передраный линейный связист уходил один на обрыв, под огонь, озарит он последним, то злым, то горестно-завистливым взглядом остающихся в траншее бойцов, и хватаясь за бруствер окопа, никак одолеть не может крутизну. Ох, как он понятен, как близок в ту минуту и как же перед ним неловко – невольно взгляд отведешь и пожелаешь, чтобы обрыв на линии был недалеко, чтобы вернулся связист «домой» поскорее, тогда уж ему и всем на душе легче сделается».

Связисты и возможность смертельного исхода испытывали чаще других, и радость жизни у них была острее. Печальная статистика боевого пути воинов, призванных Игарским военкоматом, подтверждает сказанное: северяне зачастую назначались связистами, а среди них был больший процент как погибших, так и – получавших награды. Вторит этому и боец Астафьев: «И когда живой, невредимый, брякнув деревяшкой аппарата, связист рухнет в окоп, привалится к его грязной стенке в счастливом изнеможении, сунь ему – из братских чувств – недокурную сигарку. Брат-связист ее потянет, но не сразу, сперва он откроет глаза, найдет взглядом того, кто дал «сорок», и столько благодарности прочтешь ты, что в сердце она не вместится».

Впрочем, и правительственной наградой командования был оценен труд «линейщика». В бою 20 октября 1943 года красноармеец Астафьев четыре раза исправлял телефонную связь с передовым наблюдательным пунктом. «При выполнении задачи от близкого разрыва бомбы он был засыпан землей. Горя ненавистью к врагу товарищ Астафьев продолжал выполнять задачу и под артиллерийско-минометным огнем, собрал обрывки кабеля, и вновь восстановил телефонную связь, обеспечив бесперебойную связь с пехотой и ее поддержку артиллерийским огнем» – так написано в наградном листе при представлении старшего телефониста Астафьева к медали «За отвагу»...

Вот бы сейчас посмеялись мы над литературными опусами штабного писаря, но Виктор Петрович сей документ и в глаза, возможно, не видел, а потомкам оставил воспоминания совсем иного плана:

По признанию Астафьева, именно война стала причиной того, что он взялся за перо. В начале 50-х Виктор Петрович ходил в литературный кружок, открытый при местной газете «Чусовской рабочий» на Урале, там однажды услышал он короткий рассказ одного писателя – в войну политработника. Война у того была красивой, а главное, что возмутило, об этом писал тот, кто тоже был на передовой. У Астафьева, по его словам, аж зазвенело в контуженной голове от такого вранья. Придя домой и, успокоившись, он решил, что единственный способ бороться с ложью – это правда. И за ночь на одном дыхании написал свой первый рассказ «Гражданский человек» (современное название «Сибиряк»), в котором описал свою войну, какую он видел и знал. И это было лишь началом.

Приводя этот известный факт, биографы писателя не всегда добавляют, что вернуться с войны бывшему детдомовцу было некуда. Вместе с женой-фронтовичкой он отправился в ее родной уральский городишко Чусовой. Осмелевшие за войну квартиранты-переселенцы не думали освобождать семье фронтовика занятый ими и не оплачиваемый флигелек во дворе.

Вернувшийся с войны майор-свояк, занял лучшее в доме место в комнате на втором этаже, забив до отказа помещение трофейным тряпьем и «через губу» разговаривал с младшим по званию Виктором, вынужденным ютиться с молодой женой в кухне за печкой на полу. Виктор то снег разгребал, то вагоны разгружал, прежде, чем получил место сторожа на колбасном заводе, где в ночную смену и родился этот рассказ. Повела об этом жена писателя Мария Корякина. Рассказала не только о перипетиях семейной жизни вернувшихся с войны фронтовиков, но и об умершей от диспепсии в младенческом возрасте дочке Лидочке. У молодой матери от постоянного недоедания не было достаточного количества молока.

Естественно, что переполнявшей начинающего автора темой стали события минувшей войны. В актив рождающегося писателя в 1960 году добавляется лирическая повесть «Звездопад», а в 1971 «Пастух и пастушка». Современная пастораль – вносит автор пометку в подзаголовков последней. Обе повести поэтичные, трогательные и трагичные произведения о первой любви, искалеченной, погубленной войной.

Впрочем, если в «Звездопале» автор воздерживается от рассказов о боях, перенес действие в военный госпиталь, то уже в «Пастухе и пастушке» начинают появляться страшные эпизоды, навечно засевшие в память солдата. Война калечит молодые души героев, она же стирает хорошее, оставляя ярчайшее, однажды невольно подмеченное, в мозгу засевшее и продолжающее мучить кошмарами автора.

Вот рассказ о привале в осеннем припорошенном снежком лесу, то ли на поляне, то ли на болотце. Подложив под себя на кочку пучок вырванной торчащей из снега сухой травы, сидит солдат Астафьев, хлебает быстро остывающий суп. Чувствует, что-то склизко под ним, встал, «твою мать, немец, вмерзший в землю подо мной. Ну чего? ... стерни побольше наложил и обратно сел. Некогда, и жрать охота. Вот так вот втягиваешься в войну. Говорят, опыт войны. Вот оно. Чтоб ты мог жрать, как скотина последняя, спать, как скотина последняя, терпеть вошь... Помню, у нас щеголеватый был офицер, двумя руками в голову залез: «Ну, до чего надоели эти вши»».

Для Астафьева – самое страшное на войне – привычка к смерти. Когда смерть становится повседневной, обыденной и уже не вызывает никаких эмоций, когда можно сидеть и без отвращения есть на замерзшем трупe противника.

Страшные потрясения юного Астафьева, продолжающие тревожить память его и пожилого, – когда при отступлении от Житомира по отступающим, уже убитым, разбитым, шли наши танки, машины, транспортеры: «... в шоссе, в жидкой грязи трупы, раскатанные в фанеру, только кое-где белые косточки вылезут, и зубы... Танки идут, гусеницы наматывают, шинеленку, кишки, вот такое эстетическое зрелище».

Самое тяжелое и трагичное в воинской биографии Астафьева – это форсирование Днепра осенью 1943 года. В воду, без подготовки, без передышки, развивая недавний успех на Курской дуге, солдаты прыгали голыми, несли узелки с одеждой и винтовки над головой. Переплывались без специальных плавучих средств, кто как может. На том участке, где плыл Астафьев, из 25 тысяч человек до другого берега добрался только каждый шестой. А таких точек переправы было десятки. В битве за Днепр советские войска потеряли около 300 тысяч солдат: «Большинство потонуло бессмысленно, из-за бездарной подготовки, так ни разу и не выстрелив».

На Днепровском плацдарме Астафьеву повредило глаз и серьезно контузило:

– Пакостно ранило в лицо. Мелкими осколками кассетной бомбы, или батальонной мины и крошечком камней... повредило глаз, раскровенило губы, лоб, ребята боялись до медсанбата не доплыват, – рассказывал он впоследствии.

В районе польского города Дукла Астафьев получил тяжелое сквозное пулевое ранение левого предплечья с повреждением кости:

– Когда ранят – по всему телу идет гулкий удар, откроется кровь, сильно-сильно зазвенит в голове и затошнит, и вялость пойдет, будто в лампе догорает керосин, и желтенький, едва

теплящийся свет заколеблется и замрет над тобой так, что дышать делается боязно и всего пронзит страхом. И если от удара заорал, то, увидев кровь, – оглох от собственного голоса и звона, ужасся в себе, приник к земле, боясь погасить этот исходный свет, этот колеблющийся проблеск жизни.

В действующей армии солдат пробыл до сентября 1944 года, выбыв из нее по тяжелому ранению, о котором говорилось выше, но продолжая мыкаться по нестроевым частям, выполняя обязанности то почтальона, то конвоира вплоть до конца 1945 года.

Почти каждой семье коснулась война своим смертельным крылом. Были трагические потери и в семье Астафьевых. 24 сентября 1942 года под Сталинградом погиб его дядя – родной брат отца Иван, до войны – рубщик на лесобирже Игарского лесокombината. Как переводчика производства в мирное время его портрет был помещен на городскую Доску Почета, а сам юноша направлен на учебу в Ачинский сельхозтехникум. В войну Иван Астафьев был телефонистом, или разведчиком, достоверные данные об этом не сохранились. Не знал Виктор Петрович и место его гибели, уточнив судьбу дядьки только спустя десятилетия после окончания войны. Помог ему в этом волгоградский собрат-писатель, что интересно, родившийся в Игарке Борис Екимов.

Еще один дядька писателя – Василий, всего лишь на десять лет старше Виктора при его рождении стал крестным отцом. Балагур, весельчак, любимец женщин, прозванный за неумный характер «Сорокой» он был ближе всех Виктору в юношеские годы. Его в феврале 1942 провожал Виктор на фронт из Красноярска. Василий, хитростью обойдя военную цензуру, дал Виктору знать, что, дескать, воюет танкистом с ним рядом, на Украине. На Лютежском плацдарме под Киевом был тяжело ранен, направлен в госпиталь, но в пути был обозначен как без вести пропавший. Виктор, как сам впоследствии признается, придумал встречу с ним, уже мертвым, описав ее в вышеупомянутой главе романа «Последний поклон». На самом деле, последнее пристанище солдата неизвестно.

Фронтовая биография рядового Виктора Астафьева отмечена орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За освобождение Польши». В мирное время писатель Астафьев стал Героем социального труда, дважды лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом Государственной премии России, трижды был кавалером ордена Трудового Красного Знамени, награждался также орденами Дружбы, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, «За заслуги перед Отечеством» II степени. Он – почетный гражданин городов Красноярска и Игарки.

Как видим, Виктор Петрович Астафьев не только имел моральное право написать, но и просто обязан был сделать это, сказав самое важное, оставив в наследство потомкам то, что пережил сам и его семья, и что, так он считал, не должно было стать для будущих поколений предметом их личного познания и переживания.

Смелчак Астафьев с гражданским мужеством открыто заявлял:

– Нас и солдатами то стали называть только после войны, а так – штык, боец, в общем, – неодушевленный предмет...

И его обвиняли... в отсутствии патриотизма, в клевете на русский народ... Вырывали строчки из сказанных сгоряча фраз, переиначивали его слова, перетолковывали на свой лад. Он же хотел единственного, чтобы общество знало всю правду о войне, а не только официально разрешенную.

Астафьев считал, что преступно показывать войну героической и привлекательной:

– Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Носом, как котят слепых тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься.

Война ужасна, и в организме нового поколения должен быть выработан устойчивый ген невозможности повторения подобного. Ведь не зря же эпиграфом своего романа «прокляты и убиты» великий писатель, говоря языком сибирских старообрядцев, поставил: «писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты».

Из газеты «Игарские новости», март 2014 года

«Окопная правда»

Там, в окопах...

До войны я жил в детдоме, потом закончил школу ФЗО и трудился составителем поездов возле Красноярска.

В 42-м ушел добровольцем в армию.

Воевал я в 17-й артиллерийской, ордена Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени, дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта. Корпус был резервом Главного командования. Начал он создаваться вместе с другими артиллерийскими соединениями подобного характера по инициативе крупных специалистов артиллерии, каковым был и командир нашей дивизии Сергей Сергеевич Волкенштейн, потомственный артиллерист, человек, крупный не только телом – фигурой, но и натурой, человек с совершенно удивительной биографией, вполне пригодной для захватывающего дух детективного романа. Жаль, что я не умею писать детективы. Так вот, дивизии прорыва, к удивлению, и не только моему, начали создаваться, когда враг был еще у стен Москвы.

В начале 1942 года 17-я артиллерийская дивизия приняла боевое крещение на Волховском фронте. Я тогда еще учился в школе ФЗО, приобретал железнодорожную профессию и, как говорится, «ни ухом ни рылом» не ведал о существовании подобного военного подразделения, точнее – соединения, а будущий командир «моей» дивизии в это время не где-нибудь, а в Красноярске сдавал благополучно им эвакуированное Киевское артиллерийское училище, которым какое-то время он командовал.

Вот именно – соединения! В состав дивизии входили все системы орудий и минометов, имевшихся на вооружении Красной Армии – от 120-миллиметрового миномета и до 203-миллиметровой гаубицы. Только истребительных, противотанковых полков и бригад в дивизии было шесть. Несколько полков и бригад среднего калибра и большое количество орудий – полторасоток, совершенного, новейшего по тому времени образца. Одна дивизия такого характера и масштаба обладала огромной ударной и разрушительной силой, а ведь в состав 7-го артиллерийского корпуса входило две, затем три дивизии: 17-я, 16-я и 13-я. После объединения Воронежского и Степного фронтов в 1-й Украинский не раз и не два артиллерийские подготовки и прорывы осуществлялись 7-м артиллерийским корпусом с приданным и ему реактивной артиллерией и вспомогательной артиллерией стрелковых и танковых частей.

Первый прорыв наш корпус делал на Брянском фронте, во фланг Курско-Белгородской дуги. И когда «началось!», когда закачалась земля под ногами, не стало видно неба и заволокло противоположный берег Оки дымом, я, совершенно потеряв «рассуждение», подумал: «Вот бы мою бабушку сюда!..» Зачем бабушку? К чему ее сюда? – этого я и по сию пору объяснить не сумею. Очень уж бабушка моя любила меня вышутить, попугать, разыграть, так вот и мне, видать, тоже «попугать» ее захотелось.

Сперва нам, солдатам 17-й дивизии, очень глянулось, что мы не просто солдаты, но еще и из резерва Главного командования. Однако скоро перестало нам это дело нравиться. Полки и бригады дивизии при наступлении придавались стрелковым и танковым соединениям, и командиры их зачастую обращались с нами точь-в-точь, как директора совхозов и председатели колхозов обращались с техникой и механизаторами, присланными с юга на уборочную в Сибирь – снабжали, кормили и награждали нас в последнюю очередь, бросали вперед на прямую наводку, затыкали нами «дыры» в первую очередь. Командиры стрелковых полков и танковых частей были еще ведь и хозяева в своем «хозяйстве», хитрованы немалые, часто прижи-

мистые, себе на уме и, конечно же, берегли «свое добро» как умели, и у кого поднимется рука или повернется язык осудить их за это?

Случалось, и не раз: зайдем огневые позиции, выкинем провода и средства наблюдения на наблюдательный пункт, окопаемся, изготовимся отдохнуть, чтоб завтра вступить в бой, как вдруг команда «сниматься» топать, затем ехать куда-то. На фронт ехали из Калуги ночами, половину машин теряли и потом целый день их разыскивали, плюнув на всякие условности, связанные со словами «военная тайна». Но когда обстрелялись, приобрели опыт, на виду у противника, зачастую по неизвестному или известному лишь командиру дивизиона и начальнику штаба маршруту, в дождь, в снег, в слякоть мчались на новое место затыкать еще одну «дыру», – почти на себе машины и орудия тащили – и никаких ЧП, никто почти не терялся во тьме, не отставал, ибо отстанешь, потеряешься, считай, пропал: «дыра» она и есть «дыра», там наши люди погибают, там танки противника стирают в порошок, втапывают в грязь наши полки и батальоны, – корячиться некогда.

Один раз тащили-тащили на плечах и на горбу полуторку взвода управления со связью, со стереотрубой, бусолью, планшетами и прочим имуществом, и встала машина, не идет: это мы за ночь, то запрыгивая в кузов, то обратно, натаскали полный кузов грязи, перегрузили бедную полуторку. Выбрасывали грязь кто лопатами, кто котелками и касками, кто горстями и к месту сосредоточения бригады успели почти вовремя. Командир дивизиона крутенок нравом до первого ранения был, мог и пинка отвесить, рассказывал: «Толкали, толкали, качали, качали как-то машину и все, перестала двигаться техника. Выскочил я из кабины с фонариком, ну, думаю, сейчас я вам, разгильдяи, дам разгон! Осветил фонариком, а вы, человек двадцать, облепили кузов машины, оперлись на него, кто по колено, кто по пояс в грязи – спите... Я аж застонал. И хоть гонористый был – двадцать шесть лет всего, и такая власть! – уж без гонору давай уговаривать: „Братцы! Ребятки! Просыпайтесь! Отстанем от своей колонны – погибнем...“»

Бывали и исключения в обращении с нами, с «резервом Главного командования». 27-я армия под командованием генерала Трофименко взяла город Ахтырку и, углубляясь, начала расширять прорыв. Немцы решили отсечь армию, окружить, и нанесли встречный танковый удар со стороны Краснокутска и Богодухова (пишу по памяти и прошу прощения, если она сохранила не все точности, тем более «стратегические», – ведь я был всего лишь бойцом, и с моей «кочки зрения» в самом деле не так уж много видно было).

Наша 92-я гаубичная бригада, находясь на марше, оказалась как раз в том месте, где осуществлялся танковый прорыв. Поступил приказ: занять оборону и задержать танки до подхода других полков и бригад дивизии. По фронтовой терминологии это значит: мы попали «на наковальню». А гаубицы в 92-й бригаде тульские «шнейдеровки» образца 1908 года! Ствол орудия для первого выстрела накатывался руками, снаряд в ствол досылался банником, станина нераздвижная, поворот люльки и ствола всего на половину градусов против современных пушек и гаубиц, в расчетах наших гаубиц осталась редкая и дикая должность – «хоботной» – это обязательно здоровенный мужчина, который за специальные ручки у станины таскает орудие из стороны в сторону, а наводчик у зада своего машет ладонью: «левее-правее». Сохранились сии орудия в каком-то Богом забытом углу, в бухте Петра Великого или еще какой-то на Дальнем Востоке. Форсуны-пушкарки, воюющие у скорострельных, ловких орудий, насмехались над нами, прозвища обидные давали.

Но была одна важная особенность у 92-й бригады – в ней со столкновений и дальневосточных конфликтов задержались и сохранились расчеты еще те – кадровые, они за две-три минуты приводили «лайбы», как именовались наши гаубицы на солдатском жаргоне, в боевое положение и со второго или третьего выстрела от фашистских танков летели «лапти» вверх, от пехоты – лохмотья, от блиндажей и дзотов – ошепье.

92-я бригада с честью выполнила свой долг и задержала танки противника под Ахтыркой, выдержав пять часов немыслимо страшного боя. Из 48 орудий осталось полтора, одно – без

колеса. Противник потерял более восьмидесяти боевых единиц – машин, танков, тучу пехоты, сопровождавшей танки; небо было в черном дыму от горящих машин, хлеба, подсолнуха, просяных и кукурузных полей, зрело желтевших до боя (стоял август), сделались испепеленными, вокруг лежала дымящаяся земля, усеянная трупами.

Вечером на каком-то полустанке из нашего третьего дивизиона собралось около сотни человек, полуобезумевших, оглохших, изорванных, обожженных, с треснувшими губами, со слезящимися от гари и пыли глазами. Мы обнимались, как братья, побывавшие не в небесном, а в настоящем, земном аду, и плакали. Потом попадали кто где и спали так, что нас не могли добудиться, чтобы покормить.

За этот бой все оставшиеся в живых бойцы и офицеры 92-й артбригады были награждены медалями и орденами, а три человека – командир батареи Барданов, замполит командира второго дивизиона Голованов, командир орудия Гайдаш были по представлению генерала Трофименко, командования 7-го арткорпуса и удостоены звания Героя Советского Союза.

С тех пор командующий 27-й армии генерал Трофименко – говорят, очень хороший человек – возлюбил нашу артбригаду, кормили и награждали нас в 27-й вместе со «своими», иногда, быть может, и поперед их, и командующий всегда просил девяносто вторую с ее «лайбами» в придачу и на поддержку в ответственных, тяжелых боях, и наша орденоносная бригада, по званию Проскуровская, ни разу вроде бы не подводила тех, кого поддерживала огнем во время наступления и заслоняла нешироким и нетолстым железным щитом в критические моменты.

В 1944 году наши боевые орудия, славные старушки-«лайбы» были заменены стомиллиметровыми пушками новейшего образца. Я их уже не видел, в это время лежал в госпитале, после которого попал в нестроевую часть и демобилизован был в конце 1945 года.

Командир дивизиона рассказывал, что когда «лайбы», чиненые-перечиненые, со сгоревшей на них краской, с заплатами на щитах, пробитых пулями и прогнутых осколками, сдавали в «утиль», на переплавку, командиры батарей и орудий попадали на них грудью и, обнявши их, безутешно плакали. Тоже вот «штришок» войны, который не придумать и писателю, даже с самым богатым воображением.

* * *

В 1944 году я пропустил, забыл свой день рождения. Эка невидаль, скажете вы. Маршалы, генералы забывали, а тут солдат в обмотках! Но учтите: день рождения у меня 1 Мая! И исполнилось мне в сорок четвертом двадцать лет! Уж если поют, что «в жизни раз бывает восемнадцать лет», то двадцать тем более никогда больше не повторяются. У меня, во всяком разе, не повторились. И знаете, отчего я забыл-то? Что этому предшествовало? Военное наступление. Тяжелейшее, сумбурное, хаотические бои и стычки с окруженным в районе Каменец-Подольска, Чорткова и Скалы противником (нетрудно догадаться «по почерку», что командовал в эту пору 1-м Украинским фронтом маршал Жуков). Об этих боях даже в таком, тщательно отредактированном издании, как «История Второй мировой войны», сказано, что она, операция по ликвидации окруженной группировки немцев в районе Чорткова, была не совсем хорошо подготовлена, что «командованием 1-го Украинского фронта не были своевременно вскрыты изменения направления отхода 1-й танковой армии противника», вследствие чего оно, командование фронта, «не приняло соответствующих мер по усилению войск на направлениях готовящихся врагом ударов...»

Представьте себе, что на самом-то деле было в тех местах, где шли бои, аттестованные как «не совсем удачные» или «не очень хорошо подготовленные». Напрягите воображение!

Рассекать окруженную крупную группировку противника была направлена половина и нашей бригады. Вторая половина слила горячее, отдала снаряды, патроны и оружие отправленным в наступление батареям. Поначалу все шло ладно. В солнечный весенний день дви-

гались мы вперед, раза два постреляли куда-то и на другой день достигли деревень Белая и Черная, совершенно не тронутых войною, богатых, веселых, приветливых.

Закавалерили артиллеристы-молодцы, на гармошках заиграли, самогоночки добыли. Дивчины в роскошных платках запели, заплясали, закружились в танцах вместе с нашими вояками: «Гоп, мои казаченьки!..», «Ой, на гори тай жинцы жнуть!..», «Распрягайте, хлопцы, конив...». Некоторые уж поторопились, распрягли...

Слышим-послышим: немцы Черную заняли и просачиваются в Белую! (В этом селе создан был и до отделения Украины от России действовал Музей славы, в котором основные материалы были о нашей артиллерийской бригаде, возможно, и поныне музей еще жив). Это наши войска нажали извне на окруженную группировку противника, она, сокращая зону окружения, отсекала и заключила в кольцо войска, затесавшиеся рассекать ее, в том числе и половину нашей бригады.

Шум, суета, «Всем по коням!» – по машинам значит. Сунулись в одну сторону – немцы, сунулись в другую – немцы, попробовали прорваться обратно через деревню Черную – оттуда нас встретили крупнокалиберными пулеметами, зажгли несколько машин и тяжело ранили командира нашего дивизиона Митрофана Ивановича Воробьева. Добрый, тихий и мужественный, редкостной самовоспитанности человек это был, единственный на моем фронтовом пути офицер, который не матерился. Может, мне, отменному ругателю, дико повезло, ибо слышал я от бойцов, очень даже бывалых и опытных, что таких офицеров не бывает. Бывает! Всегда и всюду мы ощущали, видели рядом уравновешенного, беловолосого, низенького ростом, Володимирской области уроженца – Митрофана Ивановича Воробьева. Он и на Днепровском плацдарме с нами оказался, в первые же часы и дни после переправы, тогда как некоторых офицеров из нашего дивизиона – да и только ли из нашего? – на левом берегу задержали более «важные и неотложные» дела, и вообще часть их, и немалая, завидев Днепр широкий, сразу разучилась плавать по воде, хоть в размашку, хоть по-собачьи, хоть даже в лодке, и на правый, гибельный, берег не спешили...

Колонна из ста примерно машин смешалась, начала пятиться в деревню Белую и здесь разворачиваться для броска через реку Буг. Тем временем в деревню действительно просочились немецкие автоматчики и взяли в оборот замешкавшихся артиллеристов. Поднялась стрельба, ахнули гранаты, все орудия и машины, упятившиеся в проулки и огороды для того, чтоб развернуться, тут же были подбиты и подожжены, деревня Белая горела уже из края в край. И вот плотно сомкнувшаяся колонна двинулась к мосту, а он уже занят немцами, и мы уже отрезаны и с этой стороны. Но колонна медленно и упорно идет к мосту. «Оружие к бою!» – полетела команда с машины на машину, и мы легли за борта машин с винтовками, карабинами, автоматами; в кузовах открыты ящики с гранатами; на кабины машин выставлены пулеметы, откуда-то даже два станковых взялось.

Приближаемся к мосту, по ту и по другую сторону которого – рукой достать – лежат немцы с пулеметами. Ждут. Каски блестят в сумерках, оружие блестит – и тишина. Ни одного выстрела! Все замерло. Только машины сдержанно работают и идут, идут к мосту. Вот первая машина уже на мосту. Ну, думаем, сейчас начнется! Впустят немцы колонну на мост, зажгут первые и последние машины и сделается каша... Но у моста немцев было не более роты, неполной, потрепанной в боях, у нас же в каждой машине по двадцать-тридцать человек, и все вооружены, все наизготовке – фашисты нам кашу или «кучу малу» устроят, но ведь и мы их перебьем! Нам более деваться некуда, нам выход один – прорываться.

Опытный, видать, у немцев командир роты был, умел считать и сдерживать себя – колонна прошла по мосту без единого выстрела. Предполагали, что хвост колонны уж непременно «отрубят», но и тут у немцев хватило ума «не гнаться за дешевизной», – ведь мы за рекой развернем орудия да как влупим по ним прямой наводкой – мясо ж и лохмотья полетят вверх...

Почти стемнело, когда мы остановились на горе, за Бугом, плотной, монолитной колонной. С горы было видно ярко полыхающую деревню, в ней что-то рвалось, брызгало ошметками огня – это горел и рвался боезапас на погибающих машинах, возле которых дрались в окружении и погибали наши расчеты и управленцы.

А в колонне царило взвинченное оживление. Какому-то хохочущему капитану лили в рот из фляжки жидкость и горстями снега терли ему лицо. По машинам пошли фляги. Я пил и удивлялся, что вода нисколько не остужает меня, но во фляге-то оказалась не вода, а самогонка. Я тогда не употреблял еще ничего крепкого, сморился и не помню уж, как металась всю ночь наша колонна по полям и деревням. К утру началась страшная метель, и нас вместе со многими получастями, штабами, госпиталями прихватило и остановило в местечке Оринин, неподалеку от Каменец-Подольска. Середина апреля, трава зеленеет, фиалки, мать-и-мачеха по склонам цветут, яблони и груши цветом набухли, а тут метель, и какая! Хаты до застрех занесло!

Утром донесли; немцы тянутся и тянутся к Орину, сосредотачиваются для атаки. Мы оставили раненого майора – Митрофана Ивановича, командира нашего – в школе, где временно размещался госпиталь, забитый до потолка ранеными, дали ему две гранаты-лимонки, две обоймы для пистолета, и он сказал нам, виновато потупившимся у дверей: «Идите. Идите... Там, на передовой, вы нужнее...»

Бой шел долгий, кровавый, злобный, неистовый. Патронов и снарядов как у нас, так и у немцев было мало, дело дошло до рукопашных. Сказывали, что в Орине находится штаб четвертой танковой армии и командующий четвертой генерал Лелюшенко будто бы здесь же, что стоит у него самолет наизготовке, но он не бросает свой штаб, но вот роту охраны и танки из своей охраны бросил в бой...

Если это было так, я кланяюсь от имени всех нас, бывших в Орине под его командой бойцов, и благодарю старейшего нашего военачальника за то, что не бросил он на растерзание ни нас, ни госпитали, ни безоружные штабы. А ведь знал он, знал примеры и иного порядка: бросали не только штабы, но и армии целиком, и не по одной, по три и по пяти даже некоторые горе-генералы наши...

Вот тогда, в те жестокие и кровопролитные весенние бои под Каменец-Подольском, и затем под Тернополем и забыл я о своем дне рождения. И Бог с ним! Зато внуки мои имеют возможность отмечать ежегодно именины свои, получать подарки, петь, плясать и радоваться жизни.

* * *

Видите вот, опять меня от «битв и быта войны» унесло вроде бы в сторону. Что же все-таки такое, этот самый быт? Солдатский? Есть у меня в Алтайском крае, в Кытмановском районе, в деревне Червово, фронтовой друг Петр Герасимович Николаенко, как и многие переселенцы с Украины, он к своему хохлацкому, упрямому и самостийному характеру прихватил еще сибирской прямоты, грубости и безотчетного чувства справедливости. Мы с ним прошли все части: стрелковый полк, автополк и в 92-й бригаде попали с пополнением в один дивизион, во взвод управления. Я детдомовщина, более подвержен «мимикрии», приспособлен к народу, к общежитию, к обстоятельствам, к голоду, к холоду, ко всевозможным лишениям, ловок, мягок когда надо, и «артист» к тому же – могу прикинуться кем и чем угодно. Да и начитан уже был изрядно, защищен и с этой стороны и, чего там скрывать, добытчик харча с подзаборных времен был находчивый.

Мне до какой-то поры удавалось смягчать, иногда заслонять собою прямую простоту спутника и дружка моего, которая порой бывала хуже воровства. Всем он лепил «правду-матку» в глаза, матерно выражал свои чувства и отношение к командирам. Ну и, естественно, они его недолюбливали, а начальник штаба дивизиона, после ранения Митрофана Ивановича

сделавшийся командиром этого подразделения, по военному статусу равному полку, моего громахалу-корешка просто терпеть не мог, и до того он догноил, догонял, досрабил, довел Петьку, что однажды, обливаясь слезами, тот взревел по-бугаиному: «До танкистов пиду! Визмуть мэнэ водителем – я ж тракторыст. Сгору у тым танку, йего мать!»

Крупный телом – торчит нелепая его фигура где надо и не надо, раздражает командирский глаз, голос рокочущий, хохотун и выпивоха, силы богатырской, нраву, знал я, добрейшего – последний кусок хлеба разделит, из последних сил поможет Петро мой. Когда я вернулся недолеченный из госпиталя, култыхаю, бывало, как худая кляча, на передовую, на наблюдательный пункт, с двумя катушками провода на горбу, с оружием, подсумками, телефонным аппаратом и падать начинаю самым натуральным образом, из темноты просунется ручища, снимет с моей взмыленной спины катушки, со звяком забросит их на свои «Да ладно, Петька, – робко начну я перечить, – как-нибудь сам...» «Мовчы, йего мать!» – прорычит мой друг, истинный друг, и поперет две тяжкие солдатские и связистские ноши вперед, на запад. Я уж ему толковал, что чем «до танкыстив» идти, лучше уж нам вместе «к Шумилихину податься» – знаменитость это местного масштаба, прославленная личность в нашей дивизии была, и о нем, о Шумилихине, речь впереди. Тем и удержал я своего преданного друга от опрометчивого поступка – он бы по его уму и характеру в самом деле рванул «до танкыстив», и, глядишь, судили бы его как дезертира.

Потел Петро во время работы очень сильно, а работы у артиллеристов адской и бесконечной тьма, и от пота не только белье и гимнастерка, но и телогрейка у друга моего насквозь бывала мокрая. Руки его потрескались от сырого черня лопаты, на плечах коросты от бревен, таскаемых на перекрытия, потную одежду промораживало зимой, инеем покрывало, простывал и кашлял Петро страшно, на мокро садилась пыль, и к середине лета гимнастерка на Петре изнашивалась в лоскутья, становилась черная, словно хромовая. Всегда сырая на нем была одежда, с бельем и телом слипшаяся. Закручу, бывало, в горсть гимнастерку на спине друга, а из нее выжимается желтая, липкая, как смола, жижа. Прелая гимнастерка через край грубыми нитками зашита. В кармане гимнастерки были у Петра письма и фотографии матери, любимой девушки и наша с ним – снялись в Святошино, под Киевом, когда были на переформировке – и вот, мокро и солью «съело» фотографии, письма от любимой девушки «съело и размыло в кашу», ладно, что у моей деревенской тетки сохранилась наша фотография. Как он радовался, когда я послал ему копию с нее и написал о нем какие-то добрые слова в газете «Красная звезда». На фронте он не часто слышал добрые слова, да и потом, работая много лет председателем и заместителем председателя крупного, надсаженного войной колхоза, немного их слышал. В прошлом году вышел Петро – Петр Герасимович Николаенко на действительно заслуженную в труде пенсию.

Еще немножко быта, да? Ну, уж тогда самого грубого, такого, какового в наше благопристойное, многословное кино на сто верст не допускают. Вот представьте себе траншею и в ней человек пятьсот народу. Народ, он хоть и солдатами зовется, все равно остается человеками. А человек – существо громоздкое, неловкое, много вокруг себя всяких дел делающее, хламу оставляющее. К нам, в красоярский Академгородок, из-за снежных заносов не приходила «мусорка» несколько дней – и мы обросли сором, завоняло у нас из отбросных ведер. Д-а-а. Солдатику надобно три или хотя бы два раза поесть в день, неотложную нуждишку справить и, если прижмут «оттеда» – с другой, значит, стороны, справлять ее приходится на дно окопа, затем «добро» лопаткой на бруствер выбрасывать. И вот пятьсот-то человек, да в жару, да недельку, а то и месяц, как побросают, да ежели еще на поле боя и на «нейтралке» разбухшие, разлагающиеся трупы людей и лошадей валяются представляете, что это такое? Вонь, мухота, крысы откуда-то возьмутся, по-фронтовому осатанелые, наглые, случалось, раненым носы и уши съедали, мертвых пластали в ключья, дрались в окопах с визгливым торжеством, «окапывались», и справляли свадьбы, и окотывались здесь же.

А вши? Кто-нибудь, кроме фронтовиков, может себе представить во всей полноте это бедствие? Изнуряющее, до тупости доводящее...

Я как увижу в современном театре или военном кино артистов с гривами, девиц с косами, разодетых в хромовые сапожки, под музыку вальсы и танго танцующих или с ранением в живот исполняющих романс: «Ах, не любил он, нет, не любил он...», так мне хочется взять уют и шарахнуть им в телевизор. И ведь эта красивая, «киношная» война сделалась куда как привычней и приятней для сердца и глаза, чем та, которая была на самом деле. Есть даже термин: «Комедия о войне!» – хоть бы вслушались в дикость этих слов! Хоть бы почувствовали кошунство и глумление их, если не сердцем, то умишком, пусть и коллективно-руководящим. Миллион людей в Ленинграде, в основном детей и стариков, поумирали от мучительной, голодной смерти. Сотни тысяч пленных погибли в жутких немецких концлагерях, муки мученические пережили наши беззаветные труженицы-сестры, матери и дочери, надорвавшиеся в тылу непосильным трудом, от многих ран в госпиталях и на поле боя погибли десятки миллионов людей, раны у старых бойцов болят до сих пор и не дают им спать ночами, а тут – комедия! О войне! «Мы парни brave, brave, brave!...» А? Каково?!..

* * *

Да ладно. Эта комедия комедией и задумана, но когда пытаются вроде бы всерьез поведать о войне, да получается комедия с показом такого «героизма», что война уж выглядит нелепым фарсом – в таких комедиях запросто, одной каской, десять фрицев уложил наш боец, да еще и песенки напевая, такой он насмешливый и неустрашимый, в таких комедиях драпают тучами ошалелые фашисты-статисты, крича по-рязански или по-вологодски: «Гитлер капут! Гитлер капут!», в таких комедиях наши бойцы запросто, будто с игрушками, расправляются с немецкими танками посредством гранат и зажигательных бутылок – зачем только и нужна тогда была нам артиллерия, авиация и танки? Лишние расходы!

Кстати, и привыкли наши военачальники к подобной войне, уж явное превосходство над немцами в танках имели, а все боролись с танками и останавливали танковые наступления в основном артиллерией, не стесняясь ставить на прямую наводку и наши «лайбы», а ставить их «на прямую» можно было только с горя и от нужды, как говорил командир 92-й бригады генерал Дидык.

Конечно, когда против сотни танков противника выставляется тысяча орудий, артиллеристы в конце концов завалят снарядами, выбьют технику противника, как об этом сильно и точно написано в романе Юрия Бондарева «Горячий снег». Но какие при этом потери? Ведь как-никак открытая со всех сторон пушка воюет против бронированной громады. Что-то я нигде не читал у наших военачальников и не слышал от них, чтобы они раскаивались в том, что из-за подобной стратегии на войне и массового героизма опустела русская деревня. У нас были и остались настроения: все огромные, часто неоправданные потери на войне списать на Победу и этим утешиться. Да что-то не очень утешается, как насмотришься да послушаешься наших вдов и в сиротстве выросших детишек.

В наших комедиях фанерные танки палят без устали, на ходу, хотя любой вам танкист, с подлинного танка, скажет, что это нелепость, что на ходу можно стрелять только сдуру и для испугу и попасть в цель можно лишь случайно, что после четырех-пяти выстрелов танк, даже новейший по тем временам, полон дыма и поэтому выстрелами, особенно первыми, когда все еще видно и кашель не забивает экипаж, надо дорожить и стрелять как можно точнее, иначе попадет самому: танк – цель очень большая и видная.

В подобных же комедиях палят из автоматов и косят врагов, как траву, и столь метко и много палят, что в диске автомата должно быть по крайней мере тысяча патронов. Но в круглый диск автомата входило девяносто, чтобы пружины не зажало, чаще всего снаряжали

автоматные диски половиной патронов, в «рожок» входило сорок пять, повторяю, в рожке и в диске были очень тугие пружины, и более пятидесяти патронов опытный боец в диск никогда не заряжал, иначе в самый опасный момент поставит патрон «на попа» или перекосит его, затвор в автомате был почти полностью открыт, и от попавшей в него земли и особенно песка оружие это часто «заедало».

Автомат наш был малоприцельным оружием, «ближнего боя», очень ненадежным, и «старички» – опытные солдаты, постреляв из него и попользовавшись им, постепенно перешли обратно на матушку-винтовку; мы, связисты, – на карабины, эти никогда не отказывали, и все в них было для боя полностью: обойма о пяти патронах: с белой, красной, черной, зеленой и простой головой. Белая – разрывная, красная – зажигательная, черная – бронебойная, зеленая – трассирующая – чего еще надо-то? Весь боевой «арсенал» при тебе! И прицельность у карабина такая, что в воробья-беднягу попадали за сто шагов, Я из карабина в Польше немца убил, Во время боя. Нет, нет, не матерого эсэсовца, не тучного «обера», а худосочного какого-то работягу или крестьянина, в редкой белесой щетине. Котелок у него на спине под ранцем был, и этот котелок и сгубил человека – цель заметная. Под него, под котелок, я и всадил точнехонько пулю, когда немец перебежками пошел ко клеверной скирде, за которой, видать, сидел командир, а был «мой» немец, очевидно, связным. По молодой, беспечной глупости я после боя сходил посмотреть «моего» немца – и с тех пор он преследует меня. Случалось у меня, и не раз, «материал», угнетающий душу, выложишь на бумагу, и он «утихнет», «отстанет» от тебя. Про немца, убитого мною, я уж давно собираюсь написать, чтоб избавиться от него. (Написал в повести «Веселый солдат», но избавился ли?)

Вот такая «комедия». Между прочим, ни разу я не слышал, чтоб «зарубили» кино или книгу со лжепатриотической, шапкозакидательской войной. И сколько же породили приспособленцы всех мастей ура-патриотизма, сколько состряпали лжегероев, демагогов, военных кавалеров, красавчиков-лейтенантов, миловидных игрунчиков-хохотуш-санинструкторш и совершенно отрешенных от мира, насквозь героических и до того непреклонных радисток диверсионных и партизанских отрядов, что уж невольно начинаешь думать: слава те, Господи, судьбою обнесло – жена у меня не радистка, обычный военный медик, сержант, – душу же леденит и сжимает от одного неустрашимого взгляда радистки-разведчицы.

* * *

Ну вот, заговорил я и о сегодняшних противоречиях в жизни и искусстве, а память откинула меня снова к войне. Были противоречия и на фронте. Да еще какие! Очень даже разнообразные и всегда кровавые.

Расскажу об одном из них.

Весной 1945 года 17-я Киевско-Житомирская дивизия вместе с другими соединениями блокировала Берлин с западной стороны, и, когда город капитулировал, на запад хлынули тучи немецких войск. Несколько суток шла невиданная и неслыханная по крови и жертвам бойня. Дело дошло до того, рассказывал мне командир дивизии, что на огневых позициях артиллеристы рубили топорами и лопатами озверелых и обезумевших фашистов. В тех последних на территории Германии боях дивизия потеряла две с половиной тысячи человек, испытанных огнем, боевых и славных артиллеристов, почти доживших до желанного Дня Победы. Противник понес потери десятикратно большие.

За бои под Берлином Сергей Сергеевич Волкенштейн был удостоен звания Героя Советского Союза, не он, конечно, один, но речь пойдет пока лишь о нем. Звезду Героя ему вручил командующий 1-м Украинским фронтом Иван Степанович Конев – в обход руководства артиллерии фронта.

Отчего же в обход-то?

А вот отчего. До войны, после многих приключений в своей жизни, Сергей Сергеевич Волкенштейн, как я уже писал, возглавлял Киевское артиллерийское училище и ни сном ни духом не ведал, что сведет нас судьба – воистину земля круглая!

Был в одном из подразделений, которым командовал еще в тридцатых годах недисциплинированный, зато нахрапистый и ловкий офицер, которого начальник его не раз и не два наказывал за разгильдяйство, пьянство и наглость.

Определивший в Сибири училище генерал Волкенштейн был отозван Ставкой и возглавлял штаб артиллерии на Волховском фронте и первую артподготовку провел под Шлиссельбургской крепостью, в которой его бабушка-каторжанка, Людмила Михайловна, в девичестве Александрова, провела тринадцать лет. Затем генерал приступил к формированию крупного артиллерийского соединения, которое сам же и возглавил, которое зачал с артполков, бывших в «деле» на Волховском фронте – так и началась 17-я дивизия, сформировав которую, Волкенштейн ее и возглавил. И он это крупное артсоединение не просто сформировал и возглавил, но в процессе формирования провел модернизацию артиллерии. Многие орудия были «переставлены» со старого, тяжеловесного хода на новый, облегченный; наши «лайбы», например, с тракторной тяги были переведены на тягу автомашинную, на «студебеккеры», и вместо 13–15 километров бригада могла за ночь сделать бросок на 60–70 километров. Части дивизии сделались более маневренными, что и требовалось для будущих наступательных боев.

И вот могучая дивизия движется с боями вперед на запад, и никто, даже сам командир дивизии, не знает, что она одновременно приближается к большим, непредвиденным, неожиданным испытаниям и даже бедам. Тот самый офицер, что был когда-то в подчинении Волкенштейна и терпел от него утеснения, очень ловкий карьерист, стремительно продвинулся в званиях и чинах – путных-то военачальников поистребляли, – оказался ни много ни мало, как начальником артиллерии 1-го Украинского фронта.

Далее я перескажу то, что с большой горестью и болью рассказал мне Сергей Сергеевич:

«Начальник артиллерии фронта артиллерист был слабый, зато карьерист оказался сильный – такой вот каламбур! Вместе с чинами и званиями росло чванство и самодурство злопамятного человека, но ума не прибавилось.

Решил он во что бы то ни стало отомстить мне за прошлые обиды и начал «подставлять» мою дивизию так и в такие места, чтоб она погибла, а я чтоб головы не сносил. Но ведь «подставлял»-то он не абстрактную цифру семнадцать, не номер дивизии, и не меня, наконец, а вас, дорогих моих бойцов, беззаветных, иначе и не скажешь, тружеников. Трижды, четырежды, до гробовой доски я буду виноват невольной виной перед вами, мои дорогие парнишечки, особенно гнетет вина перед погибшими, израненными и изувеченными. Бывает, соседняя наша дивизия, большинство частей которой оставалось на тракторном и даже конном ходу, трюхает к фронту не торопясь, моя же дивизия, модернизированная, подвижная, уж навоюется досыта, и вы там, на передовой, ребята мои, уже не раз умоетесь кровью. Соседу за «аккуратность» в потерях, за экономию горючего и снарядов – благодарность, мне за перерасходы – выволочка; соседям – ордена и отдых, моим бойцам марш, марш и не только награды, но и харчи в последнюю очередь.

Однако главное было: воевать, победить врага, исполнить свой долг. После гибели Ватутина был Жуков командующим 1-м Украинским фронтом, затем Конев, опять Жуков, опять Конев. Смена командующих как-то мне и помогала «спрятаться», приспособливаться к обстановке, иметь дела непосредственно с действующими армиями, от них и с помощью их снабжаться, пополняться. Но корпус-то прорыва! Он, корпус, и, значит, дивизии – в непосредственном подчинении командования артиллерией фронта, хоть и числятся за эргэка. Но до Москвы далеко, до этого самого эргэка высоко, командование же артиллерии – вот оно, тянет к телефону, к рации и, не подбирая выражений, угрожает, кроет седого, потом обливающегося генерала. Все крупные прорывы, артподготовки планировались, подготавливались и утверждались

в штабе фронта. Не больно-то спрячешься. То ли дело ваш брат, битый боец, – хитрюга, занырнет в щель, в окоп, в воронку, заляжет в кустах со своим имуществом – вещмешком и винтовкой, и посапывает там себе, спит – и ищи его – свищи!..

Ах, как он, мой отец-генерал, обрадовался, возликовал, когда под Житомиром я «потерял» дивизию. Думал, видать: тут-то мне и конец, явственно видел меня на скамье перед военным трибуналом. Но в той обстановке массового отступления и неразберихи, сопутствующей любому драпу, я принял единственно правильное, считаю, решение: дал по рации приказ всем командирам полков и бригад действовать по своему усмотрению. Я знал свой народ, доверял своим командирам, и они, в большинстве своем, приняли тоже верные решения: свернули с Житомирского шоссе в направлении на Брусилів, потому как на Житомирском танки Роммеля в упор расстреливали сгрудившиеся колонны восемнадцатой армии, привыкшей к неторопливым боям «местного значения» на вспомогательном фронте. Сдерживая противника, не давая ему развивать наступление на фланге, в конце концов свежие части и мы тоже остановили его, хотя, конечно, и потрепаны были изрядно.

Под командованием делового и строгого командира Дидыка ваша бригада проявила в боях особое упорство, пострадала, конечно, сильно побита была и угодила на переформировку в Святошино. Но именно нам, нашей дивизии, командующий фронтом присвоил и верховный утвердил звание Житомирской. Киевско-Житомирская, многожды орденоносная. Горжусь! Все вынесли мои бойцы и победили! В числе других соединений, освобождавших Киев и правобережную Украину, золотом написан номер нашей дивизии и все ее звания на своде мемориала Победы в Старопетровцах; знамена дивизии хранятся в одном из почетнейших мест страны – в Ленинградском артиллерийском музее.

Ну а я? Начал воевать генерал-майором и закончил в том же звании. «Шеф» же мой, бог фронтовой артиллерии, начав войну с подполковника, стал генералом армии. После войны я начал преподавать в артиллерийской академии, достал и там меня мой «шеф», выжил из академии, загнал на пенсию, в домашний угол, а я ведь мог еще приносить пользу армии, народу, Родине... Ну да ладно, Бог с ним, со мной...

О Шумилихине-то что-нибудь слышал? Написал бы о нем. Сорванец, конечно, но любил я его, и все в дивизии любили. Ты хоть видел его?

– Видел. Один раз.

– В бою?

– В бою.

– Где видел-то?

– Под Проскуровом. Там же и маршала Жукова видел.

– Ну и как? Как они?».

* * *

Ну вот и пришла пора вспомнить действительно славного, действительно боевого командира истребительного полка Шумилихина. Всякие о нем катились слухи по дивизии, в том числе и о том, что четырежды его представляли к званию Героя и всякий раз отзывали наградное дело из-за «художеств», его личных и не менее прославленных похождениями, всевозможными «художествами» и выходками дорогих его истребителей.

Солдаты сказывали (а они все-о-о знают!), что командир истребительного полка подбирал себе кадры и восполнял потери следующим образом: как узнает, что в пехоту, им поддерживаемую, поступило пополнение, берет двух своих гренадеров-денщиков, разряженных понарядней полевых офицеров, те водружают на спины ведерный термос, рассчитанный на доставку горячего супа в окопы, и вещмешок с хлебом, салом или с селедкой, да под покровом темноты и начинают обход траншей. Командир полка будто бы большой был спец беседовать

с советским солдатом «по душам» и будто бы спрашивает: «Откуда и чей будешь, браток?» И если, значит, солдат из тьмы сообщал, что сибиряк он, либо уралец и к тому же недавний штрафник, бывший детдомовец или вообще бандит отпетый – тут же из термоса зачерпывалась кружка спирта, из рюкзака вынимался «бутыльброд» с салом, и пока солдат управлялся с выпивкой и харчем, ему объясняли, что лучшего войска, чем истребительный полк Шумилихина, на всем свете нету, во всяком разе на 1-м Украинском такой прославленной части днем с огнем не сыщешь. Командир полка – не просто отец родной, но можно смело, не боясь впасть в преувеличение, сказать: из отцов отец, и вообще артиллерия – это тебе не пехота, попалил маленько по врагу и спи себе, опять же у пушки щит железный, пусть и небольшой, нетолстый, но все же преграда, и за ним, за щитом, укроешься хоть от пули, хоть от осколков. А уж снабжение! Сам видишь – сала не проедаем, спирту и водчонки не перепиваем, сыты, пьяны и нос в табаке! – и вторую, значит, кружку вояке. А тому, доходившему три месяца в запасном полку, на тыловой норме, много ли надо? Тяпнет две кружки разливухи, съест шмат сала да полбулки хлеба, и все – «работа с кадрами закончена!..»

Уж как там и что было, каким образом пополнялся, воевал и двигался полк Шумилихина вперед на запад, я в точности не знаю, но один раз, как уже говорил, видел самого командира полка и его «орлов» в деле.

Есть неподалеку от города Проскурова красивое местечко с выразительным названием Черный остров, и вот под этим местечком застряли мы и как-то вяло, неорганизованно, даже вроде неохотно вели бои тоже с вяло и неохотно отбивавшимся противником. Под какой-то деревушкой, стоящей меж совершенно диких и довольно обширных зарослей леса, мы и «бились» уже несколько дней. Пехота картошку варит по всем полям, артиллеристы-бойцы анекдоты по телефонам травят, офицеры подворотнички подшили, сапоги начистили, вроде как на танцы собираются ехать, ан вечером как понаехало машин и бронетранспортеров, как вышел из одной машины коренастый человек в кожаном пальто да как зыкнул: «Командиров ко мне!..» Я и близко к командирам «не лежал», но спину у меня покорило. «Загораете?» – рявкнул человек в кожане (тут я на всякий случай с телефоном в окопе спрятался, в «землю ушел» – надежное укрытие солдата от всех бед и начальников)... А по окопам: «Жуков! Жуков! Жуков!..»

Утром просыпаемся... Мамочки мои! Войска-то, войска понаперло! Впереди нашего наблюдательного пункта торчат из когда-то выкопанных огневых стволы «зисовских» пушек, Худые это соседи. Не любили их за оглушительную, твякающую стрельбу, от которой глохнут все вокруг. Мало что она, пушка, по ушам ударит тебя, так еще и непременно подпрыгнет, солому и землю подкинет вокруг себя, дымом окутается. Глядишь, по пушчонкам-то ответно бить начнут, и, коль близко расположен, заодно попадет и соседу, да еще, как на притчу, попадет раньше и крепче, чем самим орлам-артиллеристам.

Наступило утро, началась война. Из села выползло штук восемь немецких танков: четыре медленно ползут, четыре, остановившись, лупят из орудий. Истребители зашумели, закричали и открыли ответную пальбу. Танк, он, конечно, громада, однако попасть в него не так уж и просто, и, когда артиллеристы попадали в танк, а зенитчики – в самолет, обязательно в любой, даже самой крайней обстановке раздавался клич ликования, бойцы, что помоложе, даже подпрыгивали, шапками оземь били.

И вот, стало быть, утро продолжается, пальба, стрельба и шум разрастаются, танки двигаются, пехота немецкая из лесу норовит в поле выйти, как вдруг резкий, визгливый взрыв, клуб огня с серым, почти синим дымом – это истребители угодили в танк, мы уж по звуку взрыва снаряда, не заглушенного землей, не «снопом», а вот именно клубом, дымным комком, знали, что это такое, и одновременно с расчетом пушки издали торжествующий клич, запрыгали, заликовали...

И внезапно все смолкли – словно отрубило топором наше всеобщее ликование: танк прорвал завесу дыма и как ни в чем не бывало двигался вперед, водил хоботом пушки, ноздрею черной принюхивался к дерзкой пушчонке, всадившей ему снаряд в бронированный лоб.

Через минуту пушчонка, как дворовый пес Шарик, лежала кверху лапами, и я точно помню – визжала со страху.

Я не раз видел драпающих вояк, – увы-увы, не только фашистских! И сам драпал, разочка два даже босиком, так как спать в обуви не мог и имел привычку разуваться в удобном месте и в удобное время. Кстати, первый удар под Ахтыркою нашей бригаде нанесли не немецкие танки, а наш, драпающий от них, стрелковый полк. Ошалевшие славяне, которых артиллеристы валили наземь, держали втроем, вчетвером каждого, двух или трех вроде бы для острастки застрелили, ворвались сперва туда, где окапывались взвода управлений, потом и на огневые позиции, поизорвали связь, своротили стереотрубы, порастоптали всякое имущество, смели напрочь все, что можно смести, и, оставляя клочья одежды в перстях тех, кто их пытался задерживать, загнанно, по-лошадиному храпя черными, разъятыми ртами, умчались вдаль.

Но драпающую пехоту, или, говоря осторожным языком военных сводок, «меняющую боевую позицию» (всегда, конечно, худшую на лучшую меняющую!), хоть короткий миг видно и слышно, а вот, как исчезают расчеты орудий, я ни разу увидеть не сподобился. И у тех семидесятишестимиллиметровок, что стояли впереди нас под Черным островом, мгновенно не стало расчетов – ни одной живой души! Артиллеристы не убегали, не улетали, не уползали – их просто не стало, испарились! Отлетели, как свят дух!..

Разумеется, война продолжалась, бой шел и без них, бил наш дивизион из закрытых позиций и загнал немецкую пехоту обратно в лес, били другие батареи и полковые пушки, сгущались разрывы меж лесом, на поле, деревне попало крепко, там уже горело несколько хат, и какие-то машины черно и высоко дымили: в подожженных клунях рвался, разбрасывая стены и крышу, артсклад.

По траншее, проложенной из тыла, от дороги к передовым позициям, в которой, вырыв себе ячейку, сидел и я с телефоном, прошеествовала живописная тройца: впереди косолапый подполковник с отвислой от тяжести пистолета расстегнутой кобурой, бившей по заду, и с папахой, зажатой под мышкой. За командиром шествовали два здоровенных, сытых бойца, увешанных медалями и орденами. В кубанках, в комсоставском обмундировании, с новенькими автоматами на груди и гранатами за поясом. Подполковник лицом очень был похож на любимого дирижера Светланова – дирижер во фраке, конечно, выглядел элегантнее и стройнее фронтового командира. Два бойца были похожи друг на друга, как близнецы, и лица не имели. Вместо лица у них были сурово сдвинутые темные брови в солдатский ремень шириной.

Не прошло и пяти минут, как меж сиротливо умолкших пушек возникла папаха, по бокам ее во весь рост встали два автоматчика-гренадера, и вот эта папаха, чуть возвышающаяся над холмами свежей земли, зримо торчащая меж двумя огневыми позициями, тонкий и пронзительный, похожий на голос недавно работавших пушек, исторгла звук: «А-а, сукины дети! А-а, мерзавцы! А-а, змеи подколенные! Так вас и перетак! Смотрите, смотрите, как вашего полковника убивать будут!..» (звание командир тот округлил, должно быть, для большей выразительности).

И что вы думаете? Как исчезли, испарились расчеты от пушек, так же незримо и возникать начали – из земли, из воздуха, с небес сошли, что ли?! Заговорила одна, другая пушка, продолжался бой, война продолжалась. Гляжу, по траншее от орудий топает подполковник снова зажатой под мышкой папахой, за ним два молчаливых гренадера. Я не утерпел, высунулся из своей ячейки, глазею – интересно же, не каждый день таких героев увидишь! – как вдруг подполковник остановился против меня, уперся в меня взглядом и удивленно захлопал выгоревшими на солнце ресницами, хлопал, хлопал и спросил:

«Солдат! Ты с какого кладбища?..» – Узнаю я, скоро узнаю и на себе любимое это изречение командира дивизии – Шумилихин бесхитростно ему подражал. Не дожидаясь ответа,

махнул командир рукой, засмеялся и пошел дальше, а за ним два гренадера дружно гыгыкнули и сдвоили шаги.

Так вот видел я первый и последний раз знаменитого командира истребительного полка Ивана Шумилихина, который был-таки удостоен звания Героя Советского Союза, погиб в бою в Германии, похоронен на холме Славы во Львове. И слышал я, обретя независимость, неистовые самостийщики тот холм скопали, над славными могилами надругались, но надеюсь, что добрый народ вологжане прах своего славного земляка перевезли на Родину...

Отповедь генералам

...Ах, как в строку, к разу, казалось мне, к месту вставил я слова о правде на войне, забыв о том, что с войны каждый боец и офицер привез свою личную правду, а генералы и тем более маршалы приволокли свою правдищу, да такую огромную, исключительную, что она загромоздила собой правду истинную, заслонив быть небылью и все военное лихо и почти каждый из них спешил рассказать о себе, хорошем, о своих подвигах – и вот те на: какой-то солдатишка-обмоточник высунулся со своей окопной правдой, и она никак, ни с какого бока с генеральской не сходится!

Однако на десяток гневных генеральских отповедей дерзкому солдату хлынул мне поток писем от тех, кто воистину спасал Родину, выполнял свой долг – целый чемодан писем, который я сдал в Красноярский краеведческий музей. Целые исповеди – рассказы о себе, о походах и боях, о трагедиях войны...

Ах, как далека эта людская исповедь от генеральских отповедей и вельможных забот о себе и своем благополучии. Я и по себе знал, что отцы-генералы, партия и правительство предали своих воинов-спасителей и двадцать лет о них не вспоминали в будни, в жизни, лишь по праздникам славословили и хвалили себя. Ни о живых, ни о мертвых не думали, не вспоминали, по полям и лесам белели косточки русские, в литературе, кино, театре прославлялась совсем другая война, та, на которой мы не были и быть не могли. Царил обман и демагогия, воровство, предательство – товарищ Варенцов, будучи уже маршалом, в Генштабе заправлял всей ракетно-артиллерийской мощью страны, запятнавший себя воровством еще на фронте, нанимается в осведомители матерому шпиону Пеньковскому. Они разом продают пол-России. И ничего. Какой-то генералишко, видать, и прежде умом не блиставший, этакий приштабной лизоблюд, пишет мне: «Партия и правительство сочли возможным за прошлые заслуги понизить товарища Варенцова до генерал-лейтенанта, сохранить за ним половину денежного довольствия...». Долго шла буча вокруг моих заметок, долго, долго лампасники дерьмом исходили, но все в конце концов улеглось, хотя любимцем наших генералов я не стал.

...Как я уже говорил, у меня набрался полный чемодан писем, а я, как и всякий современный человек, задерган текучкой, изведен суетой, кроме того, вынужден это сообщить моим корреспондентам, – тоже инвалид войны, и со зрением дела у меня обстоят неважно, а письма-то писаны всякими, порой уже «пляшущими» почерками. Да и, как сказал один русский классик, нигде так и не умеют мешать работать писателю, как в России, добавив, впрочем, что русские писатели и любят, чтоб им мешали.

Говорил это классик в ту пору, когда не было еще телефона, не летали самолеты и безграмотное общество не наплодило тучи графоманов, самоучек-социологов, дерзких и диких философов, новаторски мыслящих экономистов, уверенно предлагающих немедленно и без потерь наладить хозяйство и попутно улучшить мораль в любезном Отечестве.

Словом, шло время, письма покоились в чемодане, авторы же, участники войны, ждали «реагажа» на свои письма, а то и просто обыкновенной человеческой помощи и участия.

Узнав о моей скорбной ситуации, один давний приятель, руководитель крупного предприятия, предложил мне спрятаться в таежном пионерлагере, принадлежащем его ведомству.

Пионерлагерь зимой пустовал, лишь две собаки, дружески настроенные к гостям, и сторожка на себя напускающая сторожиха встретили меня. Сосняки кругом шумят, снег белый-белый, тишина необъятная, и не верится уже, что бывает такое.

Обходя территорию пионерлагеря, «по ранжиру» строенного, в котором, несмотря на грибки, качели и всякого рода спортивные сооружения и деревянные скульптуры, явно проглядывали признаки строгого, к шуткам не склонного военного поселения, идя по зимней тропе на пологой вершине меж давненько уже вырубленных сосняков, я обнаружил заброшенное,

беззаконное и немое сооружение из бетона, спросил о нем у сторожихи. Она словоохотливо объяснила, что это «бункар», но какой-то «врах сотворил изменшество», солдатиков, «бедные, зимой, в морозяку, кудысь увезли, а теллиторию дитям подарили».

Ну, врагами, изменщиками, шпионами, христопродавцами и прочей нечистой силой меня не удивишь, сам есть Отечества моего сын и чуть что, как и все россияне, горазд бочку на них катануть. Но каково же было мое потрясение, когда, открыв чемодан, я обнаружил прямую связь этого заброшенного военного сооружения с содержанием писем!

Впору было на весь пустой пионерский дом завопить: «Свят! Свят!» Но я не завопил, сидел подавленный и в одиночестве, под шум зимней тайги вспоминал своего фронтового командира отделения, который в послевоенные годы был и рабочим, и секретарем райкома, и крупным хозяйственным деятелем. На войне это был честнейший и мужественнейший человек, таким он остался и «на гражданке». Когда я был у него в гостях, по телевизору сотворялось очередное действо: под умильные слова, елейные улыбки и бурные рукоплескания Брежневу вручалась очередная, не заработанная им награда, и возопил мой фронтовой друг: «Да до каких же пор нас будут унижать?» И ответил я фронтовому другу: «До тех пор, пока мы будем позволять...»

Но вернемся к чемодану с письмами. Большинство авторов, в основном бывших фронтовиков, благодарили меня за публикацию, делились своими мыслями, воспоминаниями, кое-что дополняли и уточняли. Были письма-исповеди в тетрадь и более величиной, столь интересные, от сердца и сердцем писанные, что хотелось бы привести их полностью, но нет пока места и времени. Однако я обещаю, что все письма непременно сдам в архив. Пусть внуки и правнуки наши читают их, гордятся одними авторами и стыдятся за других.

* * *

...Сначала отвечу на некоторые замечания.

Самое главное из них: под Ахтыркой не подбивала наша 92-я бригада восемьдесят танков, и быть такого не могло. Командир 108-й бригады нашей 17-й артдивизии Реутов Владимир Дмитриевич в спокойном, обстоятельном письме поправляет меня: 85 танков атаковало позиции 92-й и 108-й бригад. 92-я бригада тремя дивизионами уничтожила 20 танков, бригада, которой командовал Реутов, – 10 танков. Это был первый такой страшный бой на моих глазах, и я как вспомню восемнадцатилетнего парнишку, имеющего мой облик, находившегося в огненном аду целый день, так еще и удивляюсь, как ему сто горящих танков не привиделось!

Второе резкое замечание о том, что 17-я дивизия формировалась в 1943 году и не могла быть в боях раньше, не согласуется с фактами. Артиллерийская дивизия прорыва – сложное механизированное соединение, его за короткий срок не сформируешь. Я полагал, что военные специалисты понимают это, – и понимают, конечно, но цепляются за любую возможность «ущучить» автора. Весной 1943 года было закончено формирование 17-й артдивизии, но отдельные ее полки и бригады уже в 1942 году осенью принимали участие в боях на Волховском фронте, и начальником штаба артиллерии фронта был будущий командир этой дивизии полковник Волкенштейн.

Есть и еще ряд мелких поправок, которые за недостатком места я опускаю. И среди них упрек, что я неуважительно описал приезд маршала Жукова на передовую. Но именно из уважения к покойному полководцу я опустил из описания все, что происходило потом, после начала встречи его с командирами, которых он вызвал к себе...

Есть письма – их двадцать, – о которых мне хочется поговорить особо. Они принадлежат людям со званиями генералов и полковников все более тыловых и штабных служб. Авторы их высказываются пространно, суконным языком рапортов и докладных, но большинство хотя бы не унижает бранью свои высокие звания. Встречаются, однако, и такие письма, что белая

бумага краснеет от высокомерного тона, надменности и спеси авторов. Письма эти пестрят одной и той же буквой «Я! Я! Я!» – «Я там-то и так-то воевал!», «Я того-то и того-то знал!», «Я две академии кончил!». И в конце приписка «Извините за опшпки».

Не стану перечислять всех авторов подобных писем, пощажу старость и покой заслуженных людей. Не все уже «по уму» действуют, больше по старой привычке повелевать и опровергать все, что на глаза попадет, а уж писанное бывшим бойцом – тем более. Но скажу о том, что во многих случаях вызвало гнев моих оппонентов и что представляется мне принципиально важным.

Самый большой упрек читателей я заработал за то, что не назвал фамилии командующего артиллерией 1-го Украинского фронта: «Ратуешь за правду, а сам в кусты!..»

Тот материал писал я ко Дню Победы. И – каюсь! Искренне каюсь – не хотел марать чистую бумагу во дни светлого и скорбного праздника фамилией человека, опозорившего себя, должность свою высокую и честь советского воина.

Что же говорится о нем в откликах? Прочитую Степана Ефимовича Попова из Москвы. Звания своего он не написал. Не из скромности. Таким «недостатком», судя по высокомерности и непреклонности тона его письма, он не страдает.

Вот что пишет о С. С. Варенцове, командующем артиллерией 1-го Украинского фронта (фамилии которого я не назвал), тов. Попов: «Мы, артиллеристы, знали С. С. Варенцова как крупного артиллерийского деятеля, знали мы и Волкенштейна как мелкого интригана... Безусловно, Варенцов на старости лет провинился, и государство его наказало, но оставило его генералом и членом КПСС, и мы, старые артиллеристы, помним генерала Варенцова довоенного, фронтового и послевоенного как трезвого, отзывчивого и глубоко мыслящего человека, а Волкенштейна бывшие его однополчане не знают даже, где он похоронен».

«Это был умный и талантливый полководец, – вторит С. Е. Попову полковник в отставке В. А. Кашин, – он пользовался большим авторитетом и уважением... Это был неприхотливый, скромный человек в быту и очень доброжелательный к людям...»

И в таком же роде еще несколько писем, с умилением повествующих о жизни и деятельности бывшего Главного маршала артиллерии Варенцова. Просто сомневаться начинаешь в достоверности горького рассказа командира 17-й артдивизии – уж не наплел ли чего старый насчет фронтовых дел и насчет того, что, дослужившись до маршала, даже при множестве дел в Генштабе Варенцов не забывал «обидчиков» и того же Волкенштейна «достал» мстительной рукой в артиллерийской академии, где он работал преподавателем после войны, и вышвырнул вон все в том же звании генерал-майора, которое было ему присвоено еще в начале 1943 года.

Давайте же послушаем тех, кто близко знал Волкенштейна и Варенцова с довоенных лет. Директор Сахалинского краеведческого музея Владислав Михайлович Латышев пишет ко мне: «Когда С. Волкенштейну был год, родители привезли его на Сахалин, к бабушке Людмиле Александровне Волкенштейн, известной революционерке-народнице, отбывавшей здесь ссылку после 13-летнего заточения в Шлиссельбургской крепости. По какому-то исторически оправданному совпадению в 1942 году Сергею Сергеевичу Волкенштейну доведется подготавливать и вести артподготовку и бои в районе Шлиссельбурга. За Людмилой Александровной добровольно в ссылку последовал ее муж, врач по профессии, Александр Александрович Волкенштейн. Сергей Сергеевич не был потомственным артиллеристом. Его дед А. А. Волкенштейн известный последователь учения Льва Николаевича Толстого, а отец, Сергей Александрович, учился в Петербургском университете и за революционную деятельность был отчислен из университета и отослан под надзор полиции в Полтаву. Он рано умер, и почти одновременно с ним умерла мать Сергея Сергеевича. Бабушка Людмила Александровна погибла в 1906 году во время расстрела демонстрации во Владивостоке. Сергея Сергеевича взяла на воспитание друг семьи Волкенштейнов, дочь известного врача Склифосовского О. Н. Яковлева-Склифосовская».

«Старый строй убил его мятежную бабку, – пишет журналист Георгий Миронов в книге „Командир дивизии прорыва“, выпущенной в серии „Богатыри“ о Героях Советского Союза, – изломал жизнь его родителям, самого лишил детства». Ранней весной восемнадцатого года С. С. Волкенштейн записался добровольцем в Красную Армию, в девятнадцатом году его приняли в ряды РКП(б)...

Далее слово В. Г. Татарову из Днепропетровска:

«В 1929 году я – курсант батареи одногодников (были такие подразделения по подготовке среднего комсостава). Командир батареи С. С. Волкенштейн, Человек с большой буквы, прямой, честный, справедливый, безгранично преданный делу своей жизни...

Когда полковник Волкенштейн был нач. артдивизии 6-го стрелкового корпуса, ему был подчинен начальник артиллерии 41-й стрелковой дивизии, которая входила в состав корпуса, и командовал артиллерией дивизии полковник Варенцов – такая импозантная фигура. Самоодовольный, высокомерный, хитрый, скрытный, не шибко грамотный артиллерист. Это тот самый Варенцов, что позорно кончил свою карьеру, оказавшись замешанным в громкое дело английского шпиона Пеньковского...»

«...Вместе с Вашей дивизией Вы найдете в мемориале в Петровцах написанную золотом на стене и нашу 3-ю Гвардейскую минометную дивизию, где я был в должности начальника автотехнической службы... В конце войны, когда мы были уже в Германии, я получил указание выделить в распоряжение фронта десяток автомобилей с двумя заправками горючего. Когда машины и команда, сопровождавшая их, вернулись, я узнал, что они возили каменноугольные брикеты на дачу Варенцова во Львов. Оказывается, этот подлец (другое слово трудно подобрать) во время львовской операции прихватил себе буржуйскую виллу и оформил ее как личную собственность... И скольким же честным людям он испортил жизнь!.. Инвалид Отечественной войны, полковник в отставке Владимир Васильевич Павлов. Москва».

Как раз во время работы над этими заметками я получил альбом от нашего однопольчанина из Москвы Алятина Александра Константиновича, посвященный любимому командиру. Этот альбом включает некролог, напечатанный в газете «Красная звезда» 24 мая 1977 года, и фотографию с памятником на могиле Сергея Сергеевича Волкенштейна, возле которого собрались ветераны дивизии, ибо жена его и сын к той поре умерли, родственница у него осталась одна, племянница Комракова Наталия Давыдовна. Она была возле постели умирающего генерала и вот что написала мне: «В последние дни мы много говорили. Он вспоминал своих „парнишечек“ и говорил, что войну одолели и Победу добыли те самые ребята, что четыре года в снегу, в грязи, в земле жили, работали, а я вот умираю, смотри, в какой чистоте. Говорил, что всю жизнь хотел, как его дед-толстовец, не убивать людей, но вот все повернулось так, что Родине надо было служить, быть военным и воевать...»

* * *

Великий русский деятель истории, Гражданин и Мыслитель с большой буквы сказал когда-то один писатель по поводу русского царя, который недругов своих, подозрительных людишек, а попутно и разлюбленных жен живьем закапывал в землю, но в глазах потомков возжелал выглядеть ангелом и «редактировал» рукописи о себе способами и методами, дожившими до недавних времен и хорошо нам знакомыми. «Народ обмануть можно, историю не обманешь!» А какое есть жадное стремление у некоторых наших старших деятелей, и не только военных, не то чтобы обмануть, а поприжать кое-что, подзамолчать, жить полуправдой или угодной, любезной их сердцу «генеральской» правдой. «Солдат, так и пиши о солдатах!» – покрикивает мне тов. Попов и другие постаревшие чины. Так им удобней, лучше, спокойнее доживать свои годы. Но: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу...» – перед смертью воскликнул великий поэт нашего времени Александр Твардовский.

В газетных дискуссиях немало уже говорилось о том, сколь вреда принесла нашему обществу полуправда, как исказила она наше общество, сбила его с ноги, сколько породила ворья, шкурников, карьеристов, демагогов, которых хлебом не корми, дай спрятаться за ширму краснобайства, привычного пустословия. Отставные военные, праведно гневающиеся на то, что я состарил в своих личных заметках гаубицу на два года или назвал командующего артиллерией начальником, делают вид, что забыли о времени, когда заслуги армии под номером восемнадцать и, главное, начальника ее политотдела Брежнева возносились до такой степени, что невольно вспоминалась притча о том, как один польский улан до того разошелся, повествуя о своих военных подвигах, что малая паненка внучка его – невольно воскликнула: «Деда! Если ты всех врагов победил, все армии разбил, что же тогда делали на войне другие солдаты?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.